

ХЕЛЕН Л. ПЭРИШ — историк, преподаватель истории Европы 1450–1600 гг. и Реформации в Редингском университете (Беркшир, Англия). В область ее научных интересов входят вопросы церковного брака, а также темы, связанные с мифами, ритуалами, суевериями и магией раннего Нового времени.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

РЕФОРМАЦИЯ

ХЕЛЕН А. ПЭРИШ

УДК 94(430).03
ББК 63.3(4)5
П197

Helen L. Parish
A SHORT HISTORY OF THE REFORMATION

Опубликовано в сотрудничестве с I.B. Tauris & Co. Ltd, London.

Перевод с английского Валентины Феоклистовой

Научный редактор: Захаров А.О., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Пэрриш Х. Л.

П197 Краткая история: Реформация / Хелен Л. Пэрриш ; [пер. с англ. В.М. Феоклистовой]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-389-14652-5

Когда в октябре 1517 года Мартин Лютер прикрепил свои 95 тезисов к двери церкви Всех Святых в Виттенберге, он потряс основы западного христианства. Под сомнение были поставлены все догмы, традиции и приоритеты... Идеи Лютера о реформировании религиозных доктрин и практик и последовавшие протесты против продажи индульгенций раскололи Церковь. Но Реформация в итоге вышла за пределы богословской сферы, приведя к тому, что изменения коснулись отношений между духовной и светской властью, восприятия сверхъестественного, толкования прошлого, понимания роли женщин в обществе и Церкви, а также клерикального взгляда на брак и секс.

Опираясь на обширнейший пласт современной историографии, автор этой книги помещает протестантскую Реформацию в культурный, социальный и политический контексты, исследуя ее воздействие на смену тенденций в искусстве и архитектуре, на трансформацию представлений о власти и понимании силы Священного Писания и теологической традиции.

Снабженная черно-белыми иллюстрациями, несколькими картами и временной шкалой, книга будет полезна студентам высших учебных заведений и их преподавателям, а также всем, кому интересна история Реформации и в целом развитие религиозных и общественно-политических движений в Европе раннего Нового времени.

УДК 94(430).03
ББК 63.3(4)5

ISBN 978-5-389-14652-5

© Helen L. Parish, 2018

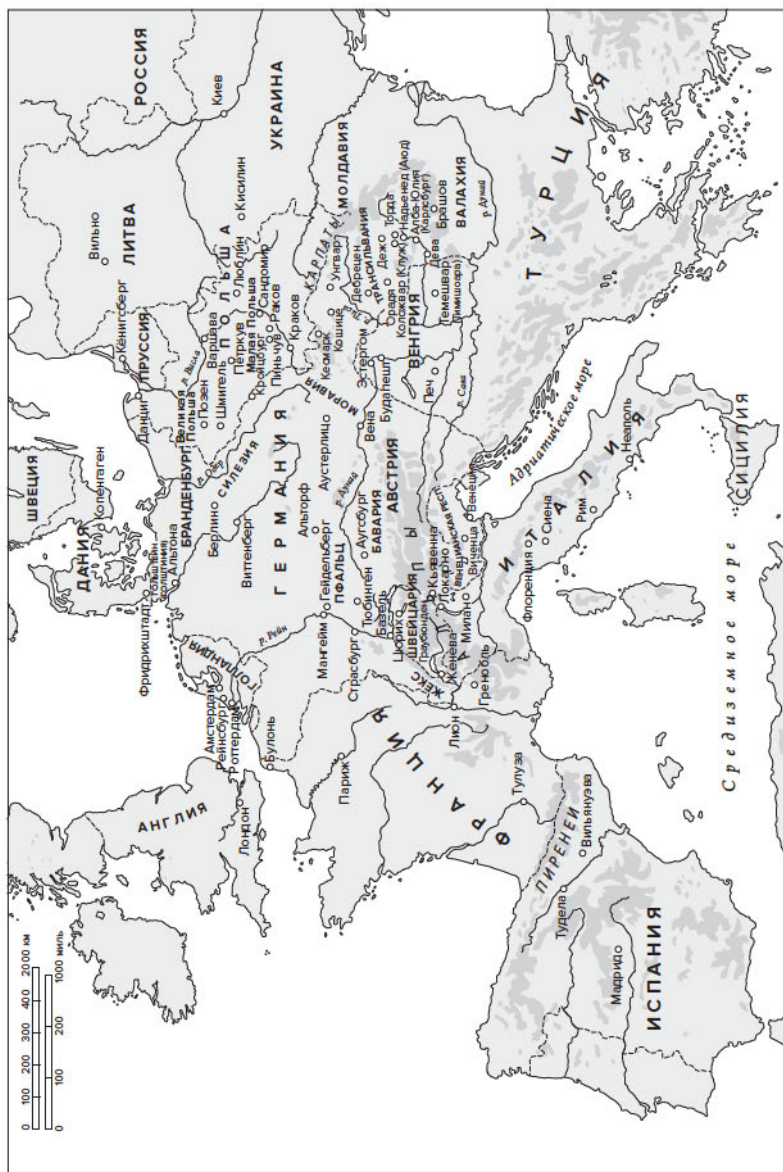
© Феоклистова В. М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

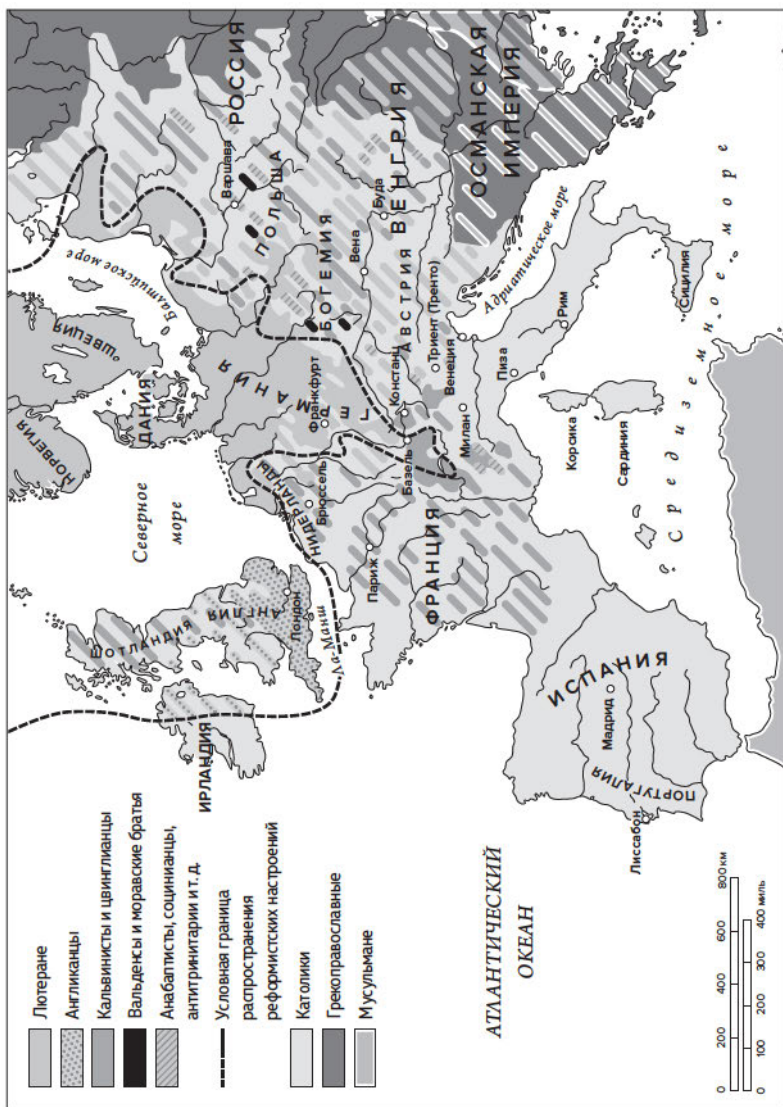
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Пятьсот лет	11
1. В одной лишь Божьей власти? Мартин Лютер и богословие Реформации	29
2. Реформация и распространение идей	55
3. Реформация и изображения	81
4. Реформация, власть и радикализм	104
5. Реформация, женщины и брак	133
6. Реформация и сверхъестественное	167
Заключение	194
Благодарности	202
Примечания	203
Приложение I. Временная шкала	238
Приложение II. Библиография	241

Карта 1. Европа в конце XVI века

Карта 2. Религиозная ситуация в Европе ок. 1560 г.

<ul style="list-style-type: none"> Лютеране Кальвинисты и цвинглианцы Вальденсы и моравские братья Анабаптисты, социнианцы, антитринитарии и т. д. Католики 	<p>Сокращения:</p> <table border="0"> <tr> <td>Аб. – Аббатство</td> <td>Кн. – Княжество</td> </tr> <tr> <td>Арх. – Архиепископство</td> <td>Кор. – Королевство</td> </tr> <tr> <td>Герц. – Герцогство</td> <td>Курф. – Курфюршество</td> </tr> <tr> <td>Гр. – Графство</td> <td>М. – Маркграфство</td> </tr> <tr> <td>Еп. – Епископство</td> <td>Мон. – Монастырь</td> </tr> </table>	Аб. – Аббатство	Кн. – Княжество	Арх. – Архиепископство	Кор. – Королевство	Герц. – Герцогство	Курф. – Курфюршество	Гр. – Графство	М. – Маркграфство	Еп. – Епископство	Мон. – Монастырь
Аб. – Аббатство	Кн. – Княжество										
Арх. – Архиепископство	Кор. – Королевство										
Герц. – Герцогство	Курф. – Курфюршество										
Гр. – Графство	М. – Маркграфство										
Еп. – Епископство	Мон. – Монастырь										

Карта 3. Религиозная ситуация в Центральной Европе ок. 1560 г.

ВВЕДЕНИЕ

ПЯТЬСОТ ЛЕТ

Вечный Всемогущий Бог смотрел на нас милостиво, и вывел нас из ужасного мрака папства, и привел [нас] к яркому свету Евангелия.

*Абрахам Скультетус.
Новогодняя проповедь, прочитанная в Гейдельберге
по случаю столетия Реформации, 1617 [1]*

Ad Lutherum igitur nostrum revertimur, & ipsius potius effigiem in incendiis singulari Dei providentia conservatam fuisse, probamus... («И возвращаемся к Лютеру и его портрету, брошенному в огонь и спасенному Провидением Божиим...»)

Юстус Шёпфер. «Лютер не горит», 1717 [2]

Реформация принесла вместо слова человеческого Слово Божие, вместо ограниченного и надуманного толкования — свободное обсуждение Священного Писания, вместо темной, слепой веры — рассудочную ясность добровольной убежденности, вместо принуждения совести под властью духовенства — свободу духа и сердца под властью Бога.

*Август Людвиг Ханштайн.
Юбилей евангельской церкви:
подготовительные материалы проповедей, 1817 [3]*

Мартин Лютер — защитник сохранения немецкого духа.

*Эрих Бранденбург.
Мартин Лютер — защитник немецкого духа: речь по поводу
четырёхсотлетнего юбилея Реформации, 1917*

31 октября 1517 г. Мартин Лютер вывесил на двери Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против злоупотребления продажей индульгенций. Это не только изменило церковный мир, но и послужило толчком к началу Реформации в политике, экономике, науке, искусстве и культуре.

Город Лютера Виттенберг, Туристический справочник.

1517

Пятисотлетний юбилей Реформации отмечался 31 октября 2017 г. Немногие юбилеи вызывали такой глобальный и разно-сторонний интерес, который в основном был сосредоточен на убеждениях одного человека — Мартина Лютера — и на ощущении, что события октября 1517 г. оказали преобразующее влияние на Европу и остальной мир. Протестантскую Реформацию обвиняли в том, что она стала причиной раздоров, религиозной войны и даже культурного краха, но в то же время восхваляли как прогрессивное явление, в котором крылись основы капитализма, демократии и антиклерикализма. Ее историю начали писать еще при жизни Лютера и продолжали составлять в течение последующих пяти веков. За полтысячелетия процесс ее написания придал форму самой истории, а увековечивание памяти о событиях, временах, людях и местах видоизменило память и воссоздало прошлое. Реформация — это палимпсест, рукопись, с которой стерт первоначальный текст и на его месте написан новый, в который каждое поколение вкладывало новое значение; значение, в свою очередь стираемое под давлением новых обстоятельств и методологий. Но постоянство, с которым 1517 г. появляется в словах, образах и памяти, указывает на широкое признание значения событий, произошедших в Виттенберге, и волн, поднятых ими во всей Европе и всеобщей истории.

Мартин Лютер занимает центральное место в исторической памяти и на страницах этой книги. События 1517 г. считались Лютеровской Реформацией, хотя последние исследования до-

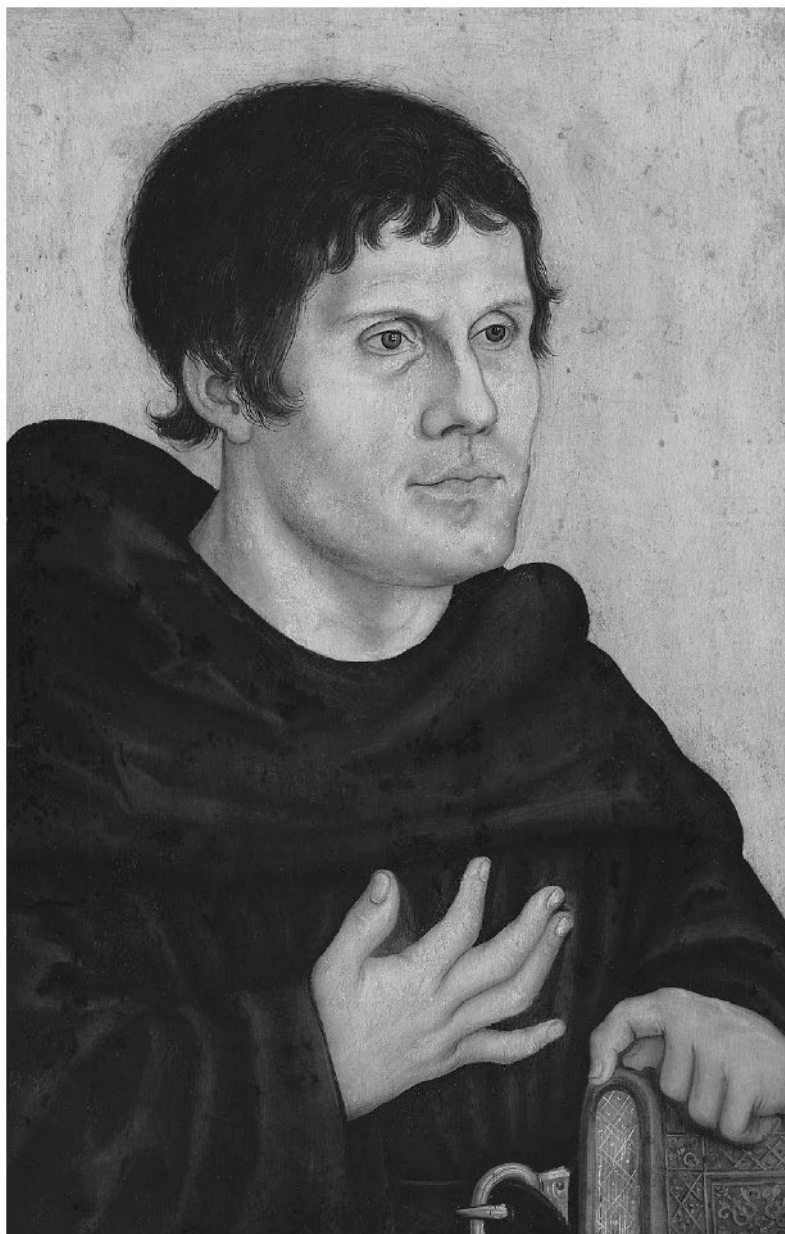
Портрет Мартина Лютера. Лукас Кранох Старший, 1529 г.

казывают, что истинная картина намного сложнее, чем представлялось ранее, и история «монаха-отступника» неразрывно связана с историей Реформации. Этому повествованию присуща притягательность, в нем Лютер предстает человеком совести, вооруженным словом Господа и противостоящим институциональной церкви, человеком, который «не мог поступать иначе». Лютер был своего рода Давидом, восставшим против мощи и жестокости Голиафа и бросившим вызов авторитаризму. Именно он смог защитить верующих и отношения между отдельным человеком и Господом от догматов и предрассудков средневековой Церкви. Лютер вернул верующим Библию, Слово Божие, отвоєвавывая контроль над Евангелием у тех, кто

отстаивал превосходство папства и законов Церкви, он провозгласил свободу Евангелия для тех, кто готов был ее принять. Именно Лютер разметал совокупность религиозных практик, которые возводили физические и догматические барьеры между священником и людьми, позволив человечеству напрямую общаться с Богом и освободиться от повинностей и епитимий подавляющей системы. И именно имя Лютера стало синонимом реформы и возрождения, а его губительное для папской церкви и предельно простое учение разорвало оковы запутанного и морально разложившегося католицизма, попавшего под влияние дьявола, и наставило христианство на иконоборческий путь к истинной религии, духовному спасению, интеллектуальному и экономическому прогрессу.

Но стоит начать анализировать язык и допущения, сделанные в этом описании, и станет понятно, почему в течение последних пятисот лет Реформация была предметом споров, дискуссий и реконструкций. По мнению оппонентов Лютера, его Реформация опиралась не на Священное Писание, а на самонадеянный и упрямый подход к церкви, основанной на камне св. Петра¹. Лютер был не героем дня, а «диким вепрем, вторгшимся в виноградник Господень». Широкое хождение его полемики на родном языке распространяло яд среди верующих и поощряло неповиновение, духовный и физический мятеж. Постановления и соборы Церкви, ведомой Святым Духом, подтверждали истину Священного Писания и обеспечивали нормативное толкование Библии, однако гордыня и упрямство Лютера позволяли ему утверждать, что его суждения более значимы. Как и другие самозванные реформаторы, Лютер способствовал погружению верующих в дикие фантазии, которые бесчестили священное таинство веры. Выступая против пятнадцативековой опеки Церкви над Евангелием, «один-единственный монах

¹ Обыгрываются слова Христа апостолу Петру: «Я говорю тебе: ты — Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16:18). — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

Посмертный портрет Мартина Лютера в одеянии августинца. Мастерская Лукаса Кранаха, после 1546 г.

заблуждается и обманывается собственным суждением, которое противоречит всему христианству» [4].

Между прямо противоположными воззрениями на Реформацию располагается широкий диапазон более тонких толкований. По мере развития науки о Реформации корректировались и ее общие описания. При этом исследователи пользовались более содержательной лексикой, чтобы понять и объяснить ее идеи и события. Были более тщательно изучены культурные, политические, социальные и скрытые папские влияния, формировавшие раннюю современную религию. История Реформации обрела форму благодаря исторической науке и интеллектуальному давлению, которое оказывали на нее меняющиеся обстоятельства и идеологии. В результате образовалась еще бóльшая степень неопределенности в более подробных, хотя и сбивающих с толку описаниях, ставящих под сомнение сами основы Реформации. Так что выяснение отношений между Лютером и лютеранством, между человеком и идеями, воплощенными в его имени, продолжается. Получившая у богословов четкое название Реформация стала собранием реформ, каждая из которых сформирована собственными идеями, проблемами и реалиями. Эпоха Реформации больше не ограничивается XVI веком, а восходит к высокому Средневековью и растягивается до конца XVII столетия. Историки Реформации были умелыми колонистами: они видели корни и ответвления своей тематики в самых разных спорах не только по вопросам богословия, но и по вопросам отношений между Церковью и государством, взаимодействия письменной и устной культур, экономических и социальных императивов, материальной культуры, пола, магии, предрассудков и священной топографии Европы раннего Нового времени. Связать эту интеллектуальную динамику с личным кризисом одного монаха-августинца, возможно, покажется плохой идеей, но история раннего современного христианства остается неотделимой от имени Мартина Лютера с того времени, как Реформация впервые вошла в историю и память о ней была увековечена.

Создание истории для Реформации неразрывно связано с ее собственным поиском подходящего прошлого, с формированием нового описания священной истории, которая объединяла прошлое с настоящим посредством символических отношений, во многих аспектах сохранившихся до настоящего времени. История читалась сквозь призму Священного Писания, которое окрашивало события и повествования эсхатологическим цветом, а вождям реформы придавало статус пророков, обладающих пониманием как Священного Писания, так и человеческого прошлого. Уважение к истории способствовало уважению к истории, которое было наиболее очевидным в рассказах о мучениках, пострадавших за веру в XVI веке, подобно тому как это случалось в период раннего христианства, но этот процесс имел потенциал создания собственной истории [5]. Как предположил Ховард Лутан, Реформация «обусловила необходимость перестроить убедительное повествование христианского прошлого, чтобы оно могло безусловно выдержать самую жесткую гуманистическую критику Возрождения» [6].

Празднование столетнего юбилея Реформации дает нам яркую иллюстрацию этого процесса. Годовщина смерти Лютера или дата начала Реформации отмечалась в некоторых имперских городах уже в 1540-х гг., но празднования в 1617 г. сопровождались более широкомасштабным и специфическим действием. Желание отметить вековой юбилей в меньшей степени коренилось в лютеранском благочестии, чем в политической и культурной ситуации начала XVII века, поскольку постоянные конфессиональные раздоры, длившиеся среди протестантов десятилетиями, происходили в условиях возрождающегося католичества. В Рейнской области и в Пфальце курфюрст Фридрих взял на себя инициативу по созданию единого самосознания в лютеранстве¹. В Виттенберге празднования «юби-

¹ По-видимому, речь идет о Фридрихе II Пфальцском (1482–1556), курфюрсте в 1544–1556 гг., при котором началась Реформация в курфюршестве, или о Фридрихе V Пфальцском (1596–1632), курфюрсте в 1610–1623 гг., в правление коего отмечался столетний юбилей Реформации.

лея» Лютера были сдобрены весьма жесткой антикатолической риторикой. В течение трех дней там читали основанные на библейских текстах проповеди, в которых папа римский превращался то в Антихриста, то в Вавилонскую блудницу¹, а истинно верующие лютеране представляли гонимыми страдальцами. Празднование столетия Лютера привело к применению в полемическом арсенале самых разнообразных видов идеологических вооружений. Самое видное место занимали проповеди, но и гравюры на дереве, памфлеты и театрализованные представления, монеты и медали — все это представляло Лютера основателем реформированной веры. Монах Лютер был избран Богом для того, чтобы уничтожить суеверия и идолопоклонство монашества; сам Господь уполномочил этого человека противостоять силе и власти средневековой Церкви. Память о Лютере выстраивалась со всевозможным тщанием. Священники читали проповеди по установленному образцу, а светские и церковные власти предлагали верующим только те образы и речи, которые позволяли им в нужном ключе думать о Реформации как о совокупности идей и историческом событии. В этом праздновании ключевым моментом была не смерть Лютера, а события октября 1517 г., когда Лютер, как гласила история, прибил свои 95 тезисов к дверям Замковой церкви в Виттенберге [7]. Язык юбилея резонировал с теорией чистилища и порожденных ею религиозных практик, но введение юбилея в официальный календарь создало культовый прецедент для иконоборческой Реформации. Возможно, самую знаменитую иллюстрацию этого можно увидеть в гравюре 1617 г. «Сновидение Фридриха Мудрого» (The Dream of Friedrich the Elector) [8]. Фридрих Саксонский так рассказывал своему брату Иоганну об этом сне². Помолившись за души в чистилище, Фридрих заснул:

¹ Образ Вавилонской блудницы появляется в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 17).

² Имеется в виду курфюрст Саксонский Фридрих III Мудрый (1463–1525), правивший в 1486–1525 гг. и покровительствовавший Мартину Лютеру.

<...>Мне приснилось, что Всемогущий Бог послал мне монаха — истинного сына апостола Павла. По велению Господа его сопровождали все святые, чтобы засвидетельствовать передо мной и заявить, что он не замышляет никакой интриги и все, что он сделает, будет соответствовать воле Господа. Они попросили у меня великодушно позволить монаху написать кое-что на двери Замковой церкви в Виттенберге. Через моего канцлера я дал такое разрешение, после чего монах пошел к церкви и начал писать <...> Перо, которым он пользовался, было настолько велико, что его конец достиг Рима и проткнул уши припавшего к земле льва, а тройная корона на голове папы сотряслась. Все кардиналы и князья поспешно забегали, пытаясь предотвратить ее падение <...>. Лев, раздраженный пером, начал реветь так мощно и громко, что жители всего Рима и всех земель Священной Римской империи сбежались узнать, в чем дело. Папа обратился к людям с просьбой противостоять монаху, а поскольку его святейшество знал, что монах находится в пределах моих земель, он обратился и лично ко мне <...> И снилось мне, что все князья империи, и мы в их числе, поспешили в Рим и пытались сломать перо. Но чем больше мы старались, тем жестче оно становилось, словно сделано было из железа. И мы оставили наши попытки. Затем я спросил монаха (поскольку я был то в Риме, то в Виттенберге), откуда у него это перо и почему оно такое прочное. «Перо, — ответил он, — принадлежит старому гусю из Богемии, и ему сотня лет. Я получил его от одного из моих старых школьных наставников. Что же до его прочности, это из-за того, что из него невозможно удалить сердцевину, и меня самого это немало изумляет». Неожиданно я услышал громкий шум — множество других перьев появилось из длинного пера монаха. Когда я проснулся в третий раз — было уже светло [9].

Век спустя после начала борьбы Лютера с чистилищем и индульгенциями события 31 октября 1517 г. были определены как начало религиозной трансформации, вдохновленной Богом и осуществленной в соответствии с провидческим замыслом.

Гравюра к столетию Реформации «Сновидение Фридриха Мудрого», 1617 г.

В проповеди Абрахама Скультетуса, которую он произнес во время празднований 1617 г. и с которой мы начали, чувство богоизбранности Лютера вполне очевидно. «Вечный Всемогущий Бог смотрел на нас милостиво, и вывел нас из ужасного мрака папства, — провозглашает Скультетус, — и привел [нас] к яркому свету Евангелия». Празднование столетнего юбилея в 1617 г. во многом способствовало формированию образа Лютера как пророка и вестника и дало новое описание событий, в которых 95 тезисов стали «моментом» начала Реформации.

Образ Лютера как избранника Божьего, выделенного Всемогущим Господом, которого Он спас и защитил, чтобы монах выполнил свое предназначение, стал еще более явным в 1717 г. во время празднования двухсотлетней годовщины Реформации. В то время фигура Лютера вновь находилась в центре празднеств, но подразумеваемое в сновидении Фридриха признание

сверхъестественности его действий оказалось более детально и ясно показано в многочисленных рассказах о «неопалимом Лютере», а также в образах и предметах, связанных с Лютером и неуязвимых для огня. Наиболее ярко такие события представлены в работе Юстуса Шёпфера «Неопалимый Лютер» (Lutherus non combustus), опубликованной в 1717 г. на латыни и немецком языке. Шёпфер представил целый список множества «чудес», связанных с Лютером, включая широко описываемый случай, произошедший с пастором и настоятелем из Артерна, который в 1634 г. нашел в своем сгоревшем кабинете уцелевший в огне портрет Мартина Лютера. Пастор отправил гравюру в английскую консисторию в Мэнсфилде, где она была выставлена с надписью «Лик Лютера, чудесным образом уцелевший при пожаре в Артерне». Это изображение обычно считается первым «неопалимым Лютером», но вскоре появились и другие примеры [10].

Было ли это сфабриковано или принималось лютеранской церковью сознательно или подсознательно, но явная нерушимость образа Лютера вполне ассоциировалась с нетленными мощами святых, открыв новую страницу в торжественных церемониях Реформации. Чудесное спасение образа Лютера кажется абсурдным, учитывая нападки самого Лютера на идолопоклонство и суеверное обожание образов католиками. Как мы увидим, в Виттенберге уничтожение икон было главной задачей ранней Реформации, но отношения между ней и изображениями было сложнее, чем представляет иконоборческая риторика. Друг Лютера и великий художник Лукас Кранх Старший успешно популяризировал Реформацию, поддерживая своими картинами и запрестольными образами лютеранскую теологию. На них изображались не только библейские сцены, но и церковные службы и литургии, что позволяло проводить празднование Вечери Господней на фоне кранаховских изображений [11]. Нечто подобное произошло и с напечатанным рассказом о «неопалимом Лютере», вовлекающем читателя в диалог, в котором повествование о Реформации придавало

форму памяти о Лютере, а воспоминание в свою очередь создавало сам рассказ.

Посыл празднований 1717 г., сформированный сочинениями 1617-го и выраженный в популярной песне, состоял в том, что Слово Божие и учение Лютера никогда не исчезнут (*Gottes Wort und Luthers Lehr wird vergehen nimmermehr*) [12]. В этих словах присутствовал подразумеваемый антикатолицизм, который казался эхом словаря 1617 г. и представлял Лютера праведным реформатором, ведущим борьбу с церковью Антихриста. Однако к 1817 г. фокус оценки Реформаторского движения сместился и приобрел политизированное значение. Лютера стали представлять национальным героем, а конфессиональный конфликт сгладили, сделав упор на общечеловеческий прогресс, которому положила начало Реформация. Памятные медали изображали не только Лютера, но и Лютера и Кальвина, а король Пруссии участвовал в совместной евхаристии лютеранского и кальвинистского духовенства. В соответствии с новой зарождающейся теологией Гегель заявил, что Реформация является «все преобразующим *солнцем*, взошедшим после вышеупомянутой утренней зари в конце Средних веков»¹ [13]. Такой язык вдохновил Леопольда фон Ранке написать «Лютеровский фрагмент» — биографию реформатора, которая прочно поставила Лютера в ряд отцов-основателей германской государственности. В биографии Лютера Ранке заявлял о ценности истории, а не агиографии, хотя в 1817 г. в связи с проведением праздничных мероприятий появилось множество агиографических сочинений. Более серьезное толкование Ранке было представлено в его шеститомном сочинении «Немецкая история в эпоху Реформации (1839–1847)» (*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation (1839–1847)*), которое вплоть до конца века оказывало глубокое влияние на описание и историю немецкой Реформации. В этой работе автор оспаривал основную роль веры в процессе Рефор-

¹ Цит. по: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 2000. С. 420.

мации, приписывая главную движущую силу вечно свободному духу, управлявшему происходящими событиями [14]. Казалось, что послание Лютера проникало в души и сердца немцев, по мере того как политическая история протягивала нить от Лютера к Бисмарку, создав миф о творении для земель, ставших единой Германией во времена Отто фон Бисмарка. Распространение Реформации и ее триумф должны были создать политическую и культурную среду, которая позволяла таким честолюбивым замыслам увенчаться успехом. «Лютер и немецкая нация» были как вдохновением, так и результатом. В работе, исследующей влияние Лютера, Генрих фон Трейчке называет его «основоположником всей немецкой нации», «немецкое неповиновение» которого, как и желание противостоять несправедливой власти, не только сформировало германский характер, но и отражало его. Лютер вдохновил немецкую современность — в политике, религии и культуре [15]. Термин Ранке «свободный дух» продолжал формировать немецкую историографию Реформации вплоть до XX века¹. В передовице, напечатанной во влиятельном научном журнале *Archiv für Reformationsgeschichte* от 1938 г., провозглашалось, что Реформация является «главным достижением немецкого духа [Geist], а ее историческое понимание должно быть сохранено всем немецким народом». Однако журнал не намеревался укреплять связь между Лютером и немецкой нацией, скорее принимался более универсальный подход. Изучение Реформации не должно ограничиваться «историей Церкви» или «светской историей», как и историей протестантских церквей. Скорее оно должно сосредоточиться на общей истории влияния Реформации, которое распространялось с XVI века до эпохи Просвещения, когда началось «действительно современ-

¹ Справедливости ради нужно отметить, что термин «свободный дух» (*der freie Geist*) не принадлежит исключительно Ранке — это одно из понятий философии Гегеля; см. § 481–482 его «Энциклопедии философских наук». Русский перевод: *Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977 (Философское наследие). С. 323–324.*

ное исследование Реформации, которое смогло объединить теологические, политические и правовые, а также социально-экономические и философские методы» [16].

Этот подход, заложенный восемь десятилетий назад, продолжает оказывать значительное влияние на изучение и написание истории Реформации, которая затронула богословие, политику, социальную и экономическую среду, письменную и устную культуру, печать и дискуссии по вопросам пола и религии. Он подпитывается желанием выяснить действительную ситуацию, обсудить восприятие идей и обговорить способы, благодаря которым лютеране смогли перенастроить сердца и умы верующих и предложить им обсуждение отношений между протестантством, историей и памятью. Испытав влияние альтернативных подходов и методологий, в особенности социальных, культурных, лингвистических и материальных «поворотов» современной науки, история Реформации стала историей не только Церкви или даже религии, но в большей степени веры. Хронология Реформации сдвинулась, но, кроме того, изменилась и трактовка интеллектуального ландшафта, на котором проходил процесс Реформации. Сегодня считается общепризнанным, что теология Реформации базируется на интеллектуальной основе Церкви позднего Средневековья. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что протестантство произошло из «семян средневекового богословия», а не родилось в мозгу одного Лютера¹. Поэтический язык Картера Линдберга² вызывает в воображении образы «евангельских ростков», не только выросших в неко-

¹ Эта мысль отнюдь не нова: предшественники Лютера — Джон Виклиф в Англии, Ян Гус в Чехии, гуманисты в Нидерландах — формировали критическое отношение к католической церкви. Обвинение Лютера в повторении «ереси» Гуса и Виклифа озвучил еще на диспуте в Лейпциге папский посланник Эжк в 1519 г. Требование узнать «проповедь Христа из самого источника», то есть Евангелия, озвучил Эразм Роттердамский. См., напр.: *Bunney P.* Учебник новой истории с историческими картами. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1906. С. 27, 32.

² Автор книги «Европейские Реформации», впервые вышедшей в 1996 г. См.: *Lindberg C.* The European Reformations. Oxford, UK; Cambridge, Mass.: Blackwell Publishing, 1996.

торые современные ветви протестантизма, но и переплетенных с ростом раннего современного католичества. Систематика Реформации фокусируется на реформаторах и предполагает, что без них Реформации не было бы. В то же время, если несколько развить нашу садовую метафору, становится ясно, что при любом анализе роста необходимо учитывать почву и среду [17]. Та же самая связь между католичеством и протестантством утверждалась в до сих пор влиятельном сочинении «Христианство на Западе в 1400–1700 годах» (Christianity in the West, 1400–1700) Джона Босси, в котором он убедительно показывает, что Реформация является частью гораздо более сложного процесса, подорвавшего религиозную однородность западного христианства.

Босси делает вывод, что результатом возникновения такого множества мнений стала протестантская набожность, которая фокусировалась на отдельном человеке, а не на общине, что подрывало возможность социального единения и ощущение христианского мира. В 1980-х гг. в научных кругах широко обсуждалась степень, с которой протестантство создавало или навязывало конфессиональную идентичность. Эти споры значительно подпитывались работой Хайнца Шиллинга и Вольфганга Рейнхарда и языком «конфессионализации», где политика и религия направляли развитие современного государства. Здесь создание конфессиональной принадлежности шло рука об руку с общественными отраслями знаний [18]. С того времени степень взаимодействия политических и религиозных структур и процессов, в ходе которых общественные дисциплины навязывали образец приемлемой веры и поведения, не раз обсуждалась в разнообразных географических и хронологических контекстах. Анализ показывает как благость, так и жесткость конфессиональной лексики, с помощью которой послереформационные общины приуменьшали степень подконтрольности своих верований и повышали накал враждебной полемики, не позволявшей победить терпимости и миролюбия. Такие споры способствовали более серьезному рассмотрению значения религиозного разнообразия для отдельного человека и всей об-

щины, а также той требовательности, с которой Реформация подходила к осознанному обсуждению отношений между верой и практикой, верующим и Церковью. Помимо этого они приводили к плюрализму верований, что оказывало значительное воздействие на социальные отношения [19]. В контексте этих взаимодействий недавние работы подчеркнули значимость динамики развития общины и хозяйства, и влияние Реформации на брак, семью, жизнь женщин, и личное восприятие Реформации, которое формировало и формировалось за счет преобразования традиционных структур и моделей [20].

Такое признание разнообразия откликов на Реформацию часто оказывается весьма далеким от определенности и полемических дебатов, полных противоречий. Попытка завоевать сердца и умы верующих основывалась не только на принуждении, но и на убедительном послы, опиравшемся на эсхатологический язык двучерковного существования, в котором верующие либо обращались в сторону истинной евангелистской церкви, либо оставались в лоне церкви Антихриста. В пылу полемики оппоненты считали друг друга не просто введенными в заблуждение, но и объявляли слугами Антихриста. В богословских трудах того времени, как и в широко распространяемых дешевых листовках, папскую церковь называли и сборищем сатанинским¹, и Вавилонской блудницей [21]. В 1980-х гг. Боб Скрибнер подчеркивал значимость такого языка и изобразительной продукции в религиозной жизни XVI века. Тем самым он подлил масла в огонь продолжающихся споров о силе и эффективности печатного слова и изображения, использовавшихся как оружие в конфессиональном противостоянии в XVI веке [22]. Привлекательность печатной книги как средства формирования умов очевидна: она узнаваема и материальна и для большинства ученых обнадеживающе знакома как хранилище идей и сведе-

¹ Выражение «сборище сатанинское» встречается в Откровении Иоанна Богослова (Откр. 2:9; 3:9), но в английском языке оно передается выражением «synagogue of Satan» (*συναγωγή τοῦ Σατανᾶ*), что отсылает к иудаизму и звучит более оскорбительно для англоязычного уха, чем русский перевод.

ний. Однако более широкая «культура убеждения», обсуждаемая в работе Эндрю Петтигри и других, расширила границы споров о характере и степени воздействия пропаганды в период Реформации. Учитывая сравнительно небольшой круг читающей публики в Европе раннего Нового времени, ограничения, налагаемые ценой книг, доступностью образования и время от времени вводимой цензурой, можно задать вопрос, насколько важен был печатный станок в процессе распространения идей Реформации. И если печатная продукция больше не является господствующим в распространении новых идей каналом, то каким образом они все-таки получали распространение и насколько можно было контролировать этот процесс? Растущая восприимчивость к взаимодействиям и пересечениям устной и литературной культуры привела к большому признанию той роли, которую играли устная и письменная культуры в процессе передачи информации о Реформации, в формировании веры, истории и памяти. Проповедь, пение и атмосфера обеспечивают новые направления споров о распространении идей Реформации и опыте протестантизма как богословской и культурной силы [23]. Готовность взаимодействовать с материальным наследием прошлого способствовала размышлениям о весьма сложных отношениях между протестантизмом и образом, книгой как объектом и священной топографией, благодаря которой родилась не только проповедь Евангелия, но и новая вера [24]. В результате было переосмыслено взаимодействие между верой и действием и между физическим и духовным и была признана равная значимость предмета и мысли в устройстве общины, памяти и веры.

Дальнейшим и далеко идущим следствием анализа культуры протестантизма в более широком контексте стало рождение более подробного и сочувственного понимания отношений между Реформацией и сверхъестественным. Недавние исследовательские работы серьезно пошатнули допущение, что путь от папского суеверия к протестантскому отрицанию сверхъестественных существ и объектов и далее к рациональному миру

Просвещения был прямым и четким. Эти научные работы изучают присутствие священного в пределах Реформации и спорят о создании протестантской священной вселенной, которая была не просто способом выжить, а осознанной попыткой сформировать отношения между сверхъестественным и физическим. Беспорядочный обмен, характеризующий эти отношения, показывает, до какой степени попытки переопределить взаимодействие между человечеством и его средой были организованы как обсуждением, так и принуждением и обращением. Религиозная культура после Реформации была неоднородной и многообразной и часто характеризовалась широким набором идей и принципов, возникших в ходе столкновения между старым и новым, изображающим прошлое и делающим наброски настоящего [25].

Этот взаимный обмен между настоящим и прошлым был очевиден в ходе празднований каждого из юбилеев Лютера в течение пяти веков, но и в наши дни он не менее значим. Когда сегодня вспоминают о Реформации, она приобретает все более расплывчатую форму. Спустя пятьсот лет Реформация не поддается классификации как простое религиозное, политическое, социальное или культурное событие. У нее отсутствует согласованное начало или конец, а догматы, которые сформировали ее отношения с прошлым и ее собственной историей и идентичностью, оказались гораздо более уступчивыми, чем предполагал ее язык. Но по этой же причине, по мере того как внимание вновь сдвигается к событиям, произошедшим в октябре 1517 г., трудно избавиться от ощущения, что историю Реформации будут продолжать писать и следующие пятьсот лет.

Научно-популярное издание

Хелен Л. Пэриш

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ:
РЕФОРМАЦИЯ

Ответственный редактор А. Захарова

Редактор А. Захаров

Художественный редактор М. Левыкин

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Н. Соколова, Т. Дмитриева, Е. Туманова

Верстка Н. Козель

При оформлении обложки использован фрагмент картины
«Лютер в Вормском рейхстаге» (Пауль Туман, 1872 г.)
и карта Европы (Авраам Ортелиус, 1572 г.)

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака «Колибри»

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 24.03.2020. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.

Тираж 3000 экз. В-НИК-22930-01-Р. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru